
РЕЦЕНЗИИ

Л. Е. ГРИНИН

ДЕМОГРАФИЧЕСКИ-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Нефедов, С. А. Социально-экономическая история России. Демографически-структурный анализ. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. – 543 с.

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен. В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным», – считал известный французский историк Фернан Бродель. Эти слова, которые цитирует С. А. Нефедов, вполне могли бы стать эпиграфом к его книге. Впрочем, как и другая мысль Броделя: «В действительности, все несет на своей широкой спине материальная жизнь: если она набирает силу, то все движется вперед»¹.

Монография Нефедова посвящена глубинным и фундаментальным основам исторического развития России (и не только России), без которых всерьез понять ход и итоги развития страны невозможно. Она помогает по-новому, с использованием современной методологии, осмыслить многие социально-экономические процессы, происходившие в России в XVI–XIX веках. При этом важно, что он использует сравнительно новую для нашей историографии, но уже апробированную на материале многих стран теорию, с помощью которой показывает, что в развитии России – при всем своеобразии ее исторического пути – можно увидеть сходные с другими странами закономерности развития, в частности роста и уменьшения населения, то есть демографических циклов.

¹ Бродель, Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 67.

Я давно знаком с творчеством С. А. Нефедова. Каждая его работа является не только высоко профессиональной с точки зрения техники исторического анализа, но и – что довольно редко в историографии – сочетается с глубокими и оригинальными теоретическими подходами к проблемам. Новая его монография «Социально-экономическая история России. Демографически-структурный анализ» – серьезный исторический труд, в котором собран впечатляющий корпус фактов и данных, интересных примеров, комментариев и наблюдений. Но для меня как человека, занимающегося теорией истории, особенно интересными были теоретические взгляды автора, которые в этой работе он существенно развил. Я надеюсь, что и многих читателей журнала, посвященного проблемам философии истории, эти проблемы заинтересуют. В любом случае книга будет полезна как историкам, занимающимся исследованием конкретных проблем российской истории, так и обществоведам, интересующимся теорией исторического развития вообще и России в частности. Работа может быть рекомендована студентам исторических и обществоведческих специальностей.

Монография С. А. Нефедова состоит из пяти глав, в которых дан обзор социально-экономической истории России с последовательным анализом процессов и явлений, описываемых в рамках демографически-структурной теории. К таким процессам и явлениям относятся в первую очередь: динамика численности населения, цен, земельной ренты, налогов, реальной заработной платы, посевных площадей, урожайности. Автор собрал и систематизировал имеющиеся в литературе сведения и построил временные ряды, дающие цельное представление о динамике описываемых процессов.

Монография посвящена анализу социально-экономической истории России с позиций нового направления, развиваемого американской школой исторической социологии – так называемой демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна. Эта теория может быть в определенном плане рассмотрена как модификация неомальтузианской концепции демографических циклов, разработанной известной французской школой Анналов. Следует заметить, что в настоящее время имя Томаса Мальтуса больше не воспринимается только в ассоциации с реакционными идеями, которые, кстати сказать, во многом необоснованно приписывали этому уче-

ному. В любом случае, как бы ни относиться к Мальтусу, вполне очевидно, что в условиях аграрного производства рост крестьянского населения раньше или позже ведет к нехватке земли, перенаселению и прочим вещам, игнорировать которые ни один историк или обществовед не имеет права. При этом, что очень важно, и что постоянно подчеркивает Нефедов, приводя тому убедительные доказательства, многие последствия такого демографического роста в истории традиционных обществ удается ретроспективно прогнозировать (предвидеть). А прогнозирование результатов и последствий и составляет, как понятно, суть любой науки.

Демографический цикл в рамках неомальтузианской концепции можно рассматривать как колебательный экономический процесс, основным источником развития которого является рост населения. В традиционном обществе при ограниченности ресурсов, особенно земли, рост населения вызывает нехватку земли, уменьшение производства на душу населения, падение потребления и реальной заработной платы, рост цен и земельной ренты. С течением времени перенаселение может приводить к голоду, сопровождаемому эпидемиями, к восстаниям, внутренним войнам и, в конечном счете, к демографической катастрофе. Численность населения уменьшается, душевое производство и потребление возрастают, цены уменьшаются, после чего цикл начинается снова. Длительность таких циклов, по мнению ряда ученых, в том числе и самого Нефедова, составляет примерно 150–200 лет (иногда несколько больше, иногда несколько меньше). В рамках этого цикла автор выделяет три фазы. Первая – период роста, когда много свободной земли, идет быстрый рост населения, соответственно не хватает рабочих рук и цена труда (а значит и заработки) высокая. И напротив, земельная рента низка. Вторая фаза связана с возникшей перенаселенностью и ощущаемой нехваткой земли. Автор называет ее фазой Сжатия. Нехватка земли ведет к росту арендной платы за землю, увеличению предложения рабочей силы и понижению заработков. Недостаток земли ведет также к уменьшению потребления, сокращению запасов зерна, что делает население гораздо более уязвимым к возможным неурожаям, эпидемиям и другим стихийным бедствиям. Таким образом, если развитие сдерживается острой нехваткой земли и ресурсов, перенаселенностью, тогда любая случайность, лю-

бое негативное колебание способны стать спусковым крючком для тяжелых и затяжных кризисов. Как следствие, может наступить третья фаза – Кризис, когда случается демографическая катастрофа и население резко уменьшается. Неслучайно Нефедов неоднократно возвращается к мысли Д. Грига о том, что неурожаи и пандемии бывали во все времена, но они оказывались катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда популяция была ослаблена постоянным недоеданием, то есть случайные факторы лишь усиливали эффект перенаселения.

В дополнение к этой, традиционной для неомальтузианства, схеме демографически-структурная теория рассматривает также в динамике процессы, протекающие в обществе в ходе такого демографически-экономического цикла. Эта теория использует структурную модель: государство – народ – элита, в рамках которой анализируются перераспределение ресурсов между указанными общественными силами и другие изменения. Это и определило название: *демографически-структурная* теория. Она апробирована на материале Западной Европы и ряда стран Азии, и в этой связи анализ ее применимости для изучения истории России представляется важным. В целом, как мне кажется, автору вполне удалось доказать ее применимость к истории нашей страны, хотя отдельные его выводы все же выглядят спорными или требуют дополнительной аргументации.

В соответствии с демографически-структурной теорией С. А. Нефедов прослеживает изменение численности дворянской элиты и ее имущественного положения, динамику перераспределения ресурсов между государством, народом и элитой, в частности распределение налогов и доходов. Думается, что автору удастся показать существенную связь между уровнем ренты и налогов, с одной стороны, и динамикой численности населения, с другой, и выделить отдельные периоды, когда рост налогов или ренты приводил к голоду, сокращению или стагнации населения. Таким образом, естественное развитие демографического цикла существенно трансформируется усилением эксплуатации населения со стороны государства или элиты, что может резко сократить средства, остающиеся у народа, и вызвать тяжелые демографические последствия, хотя бы экологическая емкость земли еще была достаточной для развития. Поэтому в основе анализа книги лежит исследование

демографических (экономических) циклов и связанных с ними изменений в государственной и социальной жизни, особенно в рамках треугольника: государство – элита (дворянство) – народ (крестьяне). Кроме того, на ход демографического цикла многих стран сильно влияют различные технологические и военные инновации, которые связаны с заимствованиями и необходимостью догонять передовые страны. В результате автор приходит к выводу, что демографически-структурная теория дает системную и нередко достаточно убедительную интерпретацию многих явлений российской истории, но ее следует использовать в комплексе с другими методологическими инструментами, в частности с теориями модернизации, военной революции и вестернизации.

Ценность объекта демографических исследований в том, что он менее подвержен влиянию случайностей, которые так характерны для политической истории, а потому более поддается формально-математическим и научно-логическим методам исследования. А значит, фактически мы имеем дело уже с некоторыми закономерностями в историческом развитии, причем не только России, но и многих других стран. При этом нельзя не отметить, что С. А. Нефедов существенно усложнил свою модель по сравнению с моделью Дж. Голдстоуна и неомальтузианцев, что в целом получилось весьма удачно и дало интересные результаты. И все же стоит предупредить читателя, что любые модели по своей природе таковы, что они хорошо работают только с малым количеством переменных (иначе все усложняется). Это их преимущество, но и неизбежное ограничение, которое обязательно нужно иметь в виду. Но и любая другая научная методика имеет довольно жесткие ограничения. В то же время С. А. Нефедов старается не абсолютизировать используемые им методы демографически-структурной теории и в процессе анализа стремится указать на границы ее применения, а также на процессы, не объяснимые с позиций этой теории, но находящие объяснение при использовании других методологий.

В истории России Нефедов выделяет два демографических цикла, первый из которых начался в 1460-х годах и завершился кризисом Смутного времени, а второй начался после Смуты и завершился кризисом начала XX века. Уже сама идея рассмотреть период складывания Российского государства как развитие особого демографического цикла и анализ событий под таким углом пред-

ставляются и оригинальными, и продуктивными, хотя, конечно, небесспорными в ряде отношений.

Но как бы ни относиться к тем или иным выводам автора, книга, несомненно, доказывает одну важную вещь: при изучении любых крупных изменений в истории любой страны, особенно же кризисов и революций, всегда и непременно надо первым делом посмотреть: а в какой взаимосвязи находятся эти события и демографическое состояние общества? И очень часто такая взаимосвязь не только обнаруживается, но именно она оказывается одной из важнейших причин данных кризисов. Так, перенаселенность русской деревни в начале XX века и очень высокий естественный прирост населения вели к растущей нехватке земли для крестьян (особенно центральных губерний). И это, в конечном счете, привело к Февральской и Октябрьской революциям и смене всего исторического курса нашей страны.

Конечно, проблема перенаселенности русской деревни была открыта не Нефедовым. Это общеизвестный и давно признанный факт. Но как раз именно по поводу интерпретации общеизвестных фактов часто и разгораются дискуссии. Так, до сих пор вокруг причин и неизбежности Октябрьской революции бушуют страсти. Разумеется, многие вопросы, связанные с историей России, по самой своей природе таковы, что относительно них нет и еще долго не будет единого мнения. Тем не менее демографически-структурная теория, на мой взгляд, вносит в них существенную долю прояснения (хотя, естественно, и не решает их полностью). С ее помощью мы можем увидеть ситуацию гораздо глубже, обнаружить, что под острыми социальными конфликтами и антагонизмами лежит длительная логика объективного развития, что демографическое давление в начале XX века в России было уже завершением длительного 300-летнего демографического цикла русской истории (кстати, что интересно, практически совпавшего со всей историей династии Романовых). Словом, многие вещи получают гораздо более глубокое и убедительное объяснение. Естественно, и возможные решения аграрного вопроса в начале XX века (если они реально были) выглядят совершенно иначе, чем они выглядели в программах революционных партий и даже в ряде современных исторических сочинений. Наше понимание истории России становится более объективным, когда мы обнаруживаем, что подобные проблемы

были характерны для многих стран и нередко приводили к сходным ситуациям.

Эти вполне очевидные в целом вещи, однако, важны для понимания исторических процессов. Конечно, история – это множество событийных изменений, вполне индивидуальных и неповторимых. Разумеется, история разных стран и даже разные эпохи в одной стране совершенно уникальны и неповторимы. Как писал Гегель: «В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния»². Но мы, тем не менее, стремимся понять логику этих событий и решений. А лучший путь для этого – обнаружить закономерности, которые помогут объяснить причины тех или иных явлений и процессов. И здесь анализ роли демографического фактора способен дать многое, поскольку позволяет лучше понять важные взаимосвязи в развитии общества. Как только мы начинаем рассматривать события на больших интервалах времени, то замечаем, что, действительно, многое зависит от «широкой спины» материальной жизни. В каком состоянии находится хозяйство, как платятся налоги и почему, идет ли на подъем государство и почему, каков уровень арендной и заработной платы? Оказывается, что эти и многие другие вещи напрямую связаны именно с нехваткой или избытком населения страны, с обилием или нехваткой земли.

В этом плане книга Нефедова – даже если с автором в чем-то не соглашаться в отдельных моментах (а такие моменты всегда есть в серьезных произведениях) – очень важна, поскольку она дает достаточно надежный инструмент для анализа общества. Мало того, она убеждает в наличии определенной цикличности в развитии, а цикличность и есть одна из вариаций закономерности. И то, что демографически-структурная теория позволяет увидеть более или менее объективные тренды производства, распределения и потребления, то, что она способна объяснить ряд важных вещей (а в книге вообще много интересных наблюдений и выводов), делает ее дополнительно ценной. Поэтому несомненная заслуга С. А. Нефедова в том, что он акцентировал внимание на всех этих моментах, в целом

² Гегель, Г. В. Ф. Философия права // Соч. – М. – Л., 1934. – Т. VII. – С. 7–8

в отечественной литературе недостаточно изученных, и сумел создать новаторское, интересное, оригинальное и ценное произведение.

И в заключение один чисто методологический вопрос. Я всегда считал, что при использовании любой концепции нужно ясно понимать, каковы ограничения ее применения, в каких рамках теория может работать. Только в этом случае она и приобретает необходимую практическую ценность. Без такой четко обозначенной «области применения» теории начинают претендовать на приложимость к любой ситуации, от эпизода до всего исторического процесса, и в конце концов отбрасываются. Поэтому стоит остановиться на ограничениях применения демографически-структурной теории. В данном случае приятно отметить, что Сергей Александрович Нефедов четко указывает, что *сфера приложения мальтузианской теории должна быть ограничена традиционным допромышленным обществом*. Это важное обстоятельство отмечалось историками и раньше, и, в частности, Ле Руа Ладюри называл Мальтуса «пророком прошлого» – в том смысле, что его теория перестала действовать вскоре после опубликования его книги (Нефедов, с. 17)³. Таким образом, неомальтузианская теория демографических циклов в своем классическом виде наиболее пригодна для исследования доиндустриальных обществ. Что же касается демографически-структурной теории, то Нефедов считает возможным ее применение и к индустриализующимся или не полностью индустриальным обществам, хотя и с некоторыми ограничениями⁴.

³ Впрочем, кажется, они перестают жестко действовать уже в ситуации, когда существует развитая торговля продуктами питания, в частности зерном. Именно так произошло в античных Афинах, когда подвоз черноморского хлеба существенно изменил как демографическую ситуацию в этой политике, так и вообще ее развитие.

⁴ С. А. Нефедов не говорит об ограничениях теории «снизу», то есть о том минимальном уровне развития общества, при котором эта теория работает. Вопрос этот все же существен, поскольку демографически-структурная теория очень большое место отводит собственному государству и отношениям внутри него. Но если учесть, что его исследование касается истории России, начиная только с конца XV в., то есть с уже централизованного сословного государства, а также то, что он связывает демографически-структурную теорию с теорией военной революции (перехода на огнестрельное оружие и новую военную тактику) и классической модернизации/вестернизации, то кажется логичным предположить, что эта теория должна относиться прежде всего к сложившимся (и частично зрелым) государствам позднего средневековья и Нового времени. В этом выводе я также опираюсь на результаты своего анализа эволюции государственности, в которой выделяю три стадии: а)

Автор монографии ставил своей целью отделить результаты действия различных факторов от результатов действия демографического фактора или по крайней мере попытаться сделать это, чтобы установить роль демографического фактора в общем балансе сил. В целом, мне кажется, эта цель выполнена. Но, как он справедливо пишет, вопрос об истинной ценности и преимуществах той или иной модели «может быть решен лишь практикой исторического исследования – повседневной работой тысяч историков, изучающих материалы разных стран и разных эпох» (Нефедов, с. 425).

ранние, еще недостаточно централизованные государства, политически организующие общества с неразвитой структурой; б) *сложившиеся (развитые)*, то есть уже сформированные централизованные государства поздней древности, средневековья и Нового времени, политически организующие общества с ясно выраженным сословно-классовым делением; в) *зрелые* государства эпохи капитализма, политически организующие такие общества, в которых исчезли сословия, появились классы буржуазии и пролетариата, сформировались нации (см.: Гринин, Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации // Философия и общество. – 2004. – № 1; 2005. – № 4; 2006. – № 2). Поэтому лично мне кажется, что, хотя продуктивность земли, которую занимает народ, всегда ограничена, такие четкие демографические циклы имеют место именно в достаточно развившихся государственных структурах, к каким, без сомнения, относится Россия уже с XV в., и в гораздо меньшей степени к ранним государствам (обычно только полисно-городского типа, как в античности).